

хождении Рябчиков Ключ-1 под городом Канском в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани. Казань, 2002.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Позднесредневековое погребение стоянки Проспихинская Шивера-II на Ангаре // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск, 2015.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Приенисейская Сибирь – северная периферия Монгольской империи // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Казань; Ялта; Кишинев, 2016.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Находки китайских изделий в средневековых памятниках нижнего течения Ангары // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10).

Харинский А.В., Орфинская О.В., Портнягин М.А. Захоронение саянтунского типа могильника Будун-2 (западное побережье озера Байкал) и некоторые аспекты формирования погребального ритуала у населения Прибайкалья в XIII–XIV вв. // Поволжская археология. 2020. №2.

Шевцов С.Н. Китайские монетовидные амулеты. Надписи, сюжеты, символы. М., 2019.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2013.

Elikhina I. The most Interesting Artefacts from Karakorum in the Collection of the State Hermitage Museum, St. Petersburg // Mongolian-German Karakorum Expedition. 2010. Vol. 1.

УДК 902(571.151)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.38

Н.Н. Серегин¹, А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2}, Т.С. Паршикова¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦУРОК В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам археологического комплекса Чобурак-I)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ
(проект №19-59-15001 «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая
и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции»)

Статья посвящена введению в научный оборот и интерпретации серии костяных (роговых) цурок (застежек пут для сдвуноживания или стреноживания коня) из объектов жужанского времени погребально-поминального комплекса Чобурак-I (Чемальский район Республики Алтай). Представлено морфологическое описание шести находок, обнаруженных в трех мужских захоронениях с лошадью (курганы №30, 30а, 31). Данные предметы отнесены к двум типам изделий. Определен круг аналогий подобным находкам из археологических объектов обозначенного региона и сопредельных территорий. Установлено, что материалы некрополя Чобурак-I впервые демонстрируют сосуществование у населения Алтая на заключительном этапе развития булан-кобинской культуры (2-я половина IV – V в. н.э.) костяных (роговых) цурок с разным оформлением петли для ремня – с сомкнутой и несомкнутой прорезью. Публикуемые материалы расширяют источниковую базу для изучения эволюции амуниции лошади у народов Азии на рубеже поздней древности и раннего Средневековья.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, цурки, погребение, конское снаряжение, хронология, жужанское время

Амуниция верхового коня народов Евразии периода поздней древности и эпохи Средневековья отличается большим разнообразием функциональных и декоративных гарнитур. Среди предметов, использовавшихся при езде на лошади, обнаружены различные застежки. К числу приспособлений другого назначения относятся так называемые цурки, являвшиеся застежками пут для сдвуноживания или стреноживания животного [Кирпичников, 1973, рис. 45]. В археологических материалах Алтая они представлены серией на-

ходок из памятников булан-кобинской и тюркской культур. Если изделия 2-й половины I тыс. н.э. хорошо известны широкому кругу специалистов, то подобные предметы из комплексов предшествующего периода в своем большинстве не опубликованы. Данное обстоятельство определяет актуальность введения в научный оборот как можно большего количества таких элементов конского снаряжения для их комплексного изучения.

Показательная коллекция из шести цурок получена в результате раскопок могильника булан-кобинской культуры на погребально-поминальном комплексе Чобурак-I, расположенном в Чемальском районе Республики Алтай [Серегин и др., 2018; 2019]. В составе группы из 12 подкурганых погребений изделия обозначенного функционального назначения присутствовали в трех мужских захоронениях с верховым конем. Данные предметы зафиксированы на ребрах лошади (курган №30 – 2 экз.; курган №31 – 3 экз.) и за головой животного (курган №30а – 1 экз.). Все цурки выполнены из кости (рога) и представляют собой подобие трапеции с широким основанием, плавно изогнутыми боковыми сторонами, скругленными углами, имеющей одну прорезь. Длина их варьирует в пределах 6,8–7,8 см, а максимальная ширина в центральной части составляет 1,5–1,7 см. Рассматриваемые застёжки по оформлению прорези для ремня подразделяются на два типа. К первому относятся 3 экз. с несомкнутой прорезью арочной или овальной формы шириной 0,8–1 см из курганов №30 и 30а (рис. 1.-1–3), ко второму – 3 экз. с сомкнутой прорезью вытянуто-овальной формы размерами 1,5–1,7×0,5–0,6 см из кургана №31 (рис. 1.-4–6).

Костяные (роговые) цурки первого типа в памятниках булан-кобинской культуры Алтая количественно преобладают. Они обнаружены при раскопках погребений на могильниках Верх-Уймон (3 экз.), Дялян (10 экз.), Степушка (5 экз.), Яломан-II (5 экз.) (рис. 2.-1–10) [Тетерин, 1991, с. 156; Матренин, Тишкин, 2015; Давыдов, Половников,

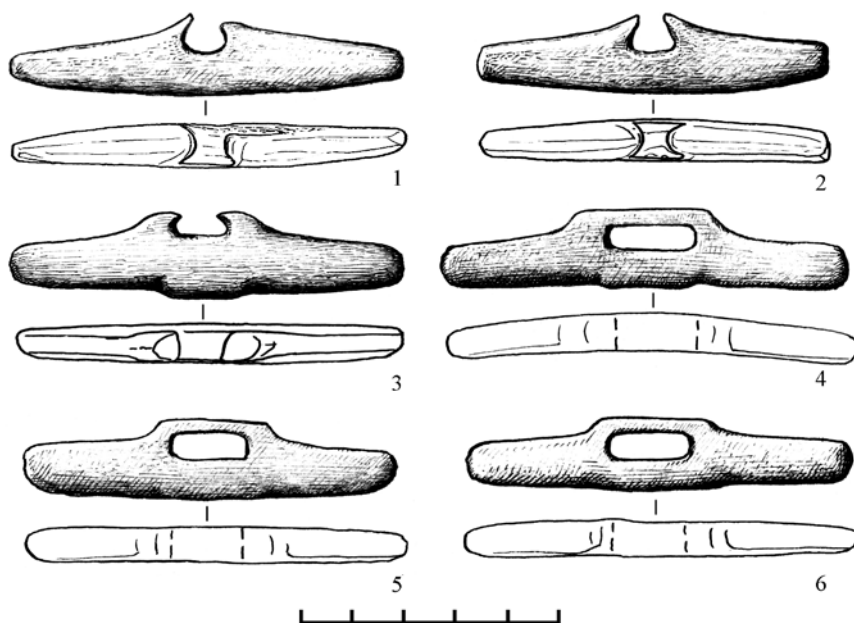

Рис. 1. Костяные (роговые) цурки из могильника Чобурак-I: 1–2 – курган №30; 3 – курган №30а; 4–6 – курган №31. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

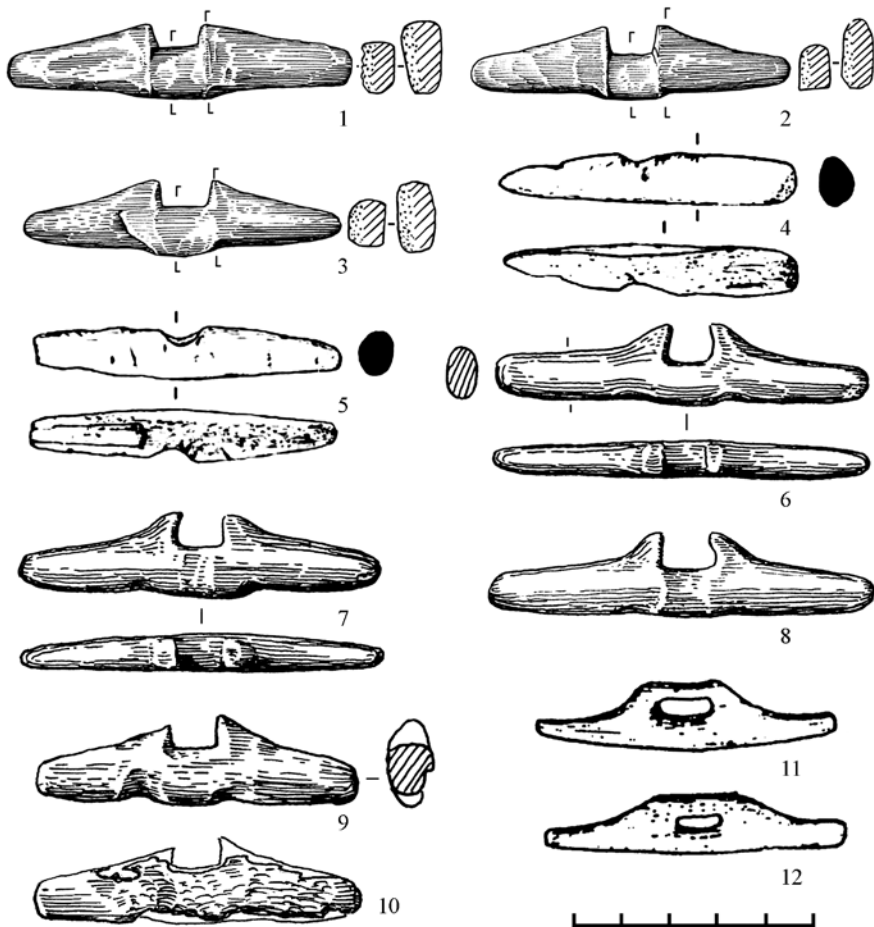

Рис. 2. Костяные (роговые) цурки из памятников булан-кобинской культуры:

1–3 – Степушка-I, курган №19 (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018]);

4–5 – Степушка-2, объект №3 (по: [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018]);

6–10 – Яломан-II, курганы №31 и 32 (по: [Матренин, 2018]; раскопки А.А. Тишкина);

11–12 – Кок-Паш, курган №7 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003])

2018, рис. 3–4; Соенов, Константинова, 2015, с. 125; Матренин, 2018, рис. 2.-22–25; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018]. В захоронении могли находиться от одной до четырех таких застежек, размещавшихся обычно на ребрах, ближе к позвоночнику или рядом с конечностями лошадей. Нельзя исключать, что населением Алтая жужанского времени использовались также деревянные цурки, которые не сохранились.

Точные аналогии рассматриваемым изделиям с несомкнутой прорезью зафиксированы в археологических комплексах Восточного Туркестана и Восточного Приаралья середины IV – V в. н.э., а также в раннесредневековых материалах (2-я половина V – VI в.) курумчинской культуры Прибайкалья [Левина, 1996, рис. 94.-4; Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей..., 2003, рис. 2.-2; 8.-10, 11; Дашибалов, 2011, с. 26, рис. 58.-7]. В Восточной Европе похожие предметы происходят из памятников гуннского времени и раннего Средневековья [Дмитриев, 1979, с. 212, рис. 1.-1; Обломский, 2013,

рис. 11.-9, с. 212–214]. Костяные (роговые) цурки с несомкнутой прорезью выступают одним из маркеров конского снаряжения населения Алтая жужанского времени и датируются 2-й половиной IV – V в. н.э. [Матренин, 2018, с. 193]. Следует отметить, что на сегодняшний день подобные изделия пока не обнаружены в комплексах раннего кызылташского этапа культуры тюрок (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.). Вместе с тем образцы костяных (роговых) и деревянных цурок с несомкнутой петлей иногда встречаются в более поздних погребениях эпохи Первого Тюркского каганата (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.) [Гаврилова, 1965, табл. XIX.-19; Худяков, Кочеев, 1997].

Костяные (роговые) цурки второго типа имеют сомкнутую прорезь. В памятниках булан-кобинской культуры такие изделия представляют большую редкость. До раскопок могильника Чобурак-I были найдены всего два аналогичных экземпляра, происходящие из кургана №7 погребально-поминального комплекса Кок-Паш в Восточном Алтае [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 175, рис. 4, 6.-8, 9] (рис. 2.-11–12). Вероятно, от «булан-кобинцев» такие застежки попали к носителям майминской культуры северных предгорий Алтая [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 72.-10, 12]. Судя по всему, данный тип цурок являлся производным от образцов с несомкнутой прорезью и стал основной модификацией костяных (роговых) застежек от пут в снаряжении раннесредневековых тюрок Алтая уже в период до создания каганата [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 3.-28–31]. Цурки с сомкнутой петлей представляют массовую категорию находок в памятниках обозначенного региона и сопредельных территорий, относящихся ко 2-й половине V – XI в. н.э. [Овчинникова, 1990, рис. 51].

Важно подчеркнуть, что материалы могильника Чобурак-I впервые демонстрируют сосуществование у населения Алтая на заключительном этапе развития булан-кобинской культуры (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) костяных (роговых) цурок с разным оформлением петли для ремня. Судя по имеющимся данным, они происходят из синхронных погребений. Рассматриваемые изделия косвенно являются подтверждением уже сложившихся представлений о том, что формирование некоторых категорий снаряжения верхового коня тюрок происходило на основе материальных традиций поздних «булан-кобинцев». Публикуемые материалы расширяют источниковую базу для изучения эволюции амуниции лошади у народов Азии рубежа поздней древности и раннего Средневековья.

Библиографический список

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск, 2003.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Давыдов Р.В., Половников И.С. Серебряные серьги из могильника Дялян (Горный Алтай): технологический и сравнительно-морфологический анализ // Поволжская археология. 2018. №4.
- Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2011.
- Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи Великого переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. №4.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. Л., 1973. (САИ. ЕИ-36).
- Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. Барнаул, 2019.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М., 1996.
- Матренин С.С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры Алтая) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-1 // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2. №4 (88).

Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV – V в. н.э.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-1 (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4.

Синьзян-Уйгурский автономный районный музей, Управление культурного наследия Баиньгуолэнского монгольского автономного округа, Управление культурного наследия Чиемоского округа. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагуньлука в 1998 году // Синьзянское культурное наследие. 2003. №1. (на кит. яз.).

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6.

Худяков Ю.С., Кочев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3.

УДК 902(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.39

С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов

*Институт археологии и этнографии СО РАН, омская лаборатория,
Омск, Россия*

ТЮРКИЗАЦИЯ ЮЖНОЙ ТАЙГИ И СЕВЕРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В КОНЦЕ I – НАЧАЛЕ II ТЫС. Н.Э.

Статья посвящена изучению процесса тюркизации северной лесостепи и южной тайги Среднего Прииртышья. Источниками послужили материалы раскопок памятников конца I – начала II тыс. н.э., проведенных в этом регионе в 1970–2010-х гг. Изучив результаты исследований серии курганных могильников, авторы делают вывод о неоднократном проникновении тюрков из степей Алтая и Восточного Прииртышья в изучаемый район и сложении там достаточно многочисленного населения в первых веках II тыс. н.э. Д.Г. Савинов сделал абсолютно верное предположение о формировании в Прииртышье среднеиртышского варианта кимако-кипчакской культуры. О многочисленности и военной мощи данного образования можно судить по большому количеству бронзовых украшений с низовьев Оби, куда они периодически совершали военные походы, и по отсутствию на данной территории памятников, связанных с монголо-татарским нашествием. Только после переселения части данного населения в Среднюю Азию в середине XV в. под предводительством чингизида Абулхайр-хана данные районы стали более открытыми, и там стало формироваться новое население, которое